

Моей кузине Белле

ГЛАВА I

МИСС ПОЛЛИ

Походку мисс Полли Харрингтон отличала горделивая неторопливость. Как и подобает уважающей себя хозяйке. Но этим июньским утром — небывалое дело! — мисс Полли влетела в кухню как ракета. Если не сказать, как фурия.

Нэнси, кухарка, как раз протирала посуду перед раковиной. Нэнси служила у мисс Полли почти два месяца, но ни разу не видела госпожу в таком нетерпении.

— Эй, Нэнси!

— Да, мэм? — робко отозвалась девушка, поднимая глаза на госпожу и продолжая протирать кувшин тряпкой.

— Сколько раз повторять, — раздраженно сказала мисс Полли, — когда к тебе обращаются, прекрати работать и слушай, что тебе говорят!

Покраснев от смущения, Нэнси замерла на месте как вкопанная, прижав к себе кувшин и полотенце.

— Да, мэм. Понятно, мэм, — пробормотала она, боясь вздохнуть от страха, неловко перехватывая кувшин из одной руки в другую. — Я что, я ничего... Вы же сами с утра приказали, чтоб я побыстрее закончила с посудой...

Хозяйка сдвинула брови:

— Поговори еще! Мне твоих объяснений не требуется. Ты должна молчать и слушать.

— Как угодно, мэм, — пролепетала Нэнси.

«Черту угодить легче, чем ей!» — подумала она в отчаянии.

Прежде Нэнси никогда нигде не служила, да нужда заставила: мать-вдова тяжело занедужила, а кроме Нэнси, в семье еще четверо маленьких детей. Бедная девушка

была на седьмом небе от счастья, когда ее взяли помощницей на кухню в шикарный дом на горе. К тому же Нэнси была нездешняя, из захолустного местечка, за шесть миль отсюда. Понятия не имела, кто такая эта мисс Полли. Слышала лишь, что та заправляет всем хозяйством старика Харрингтона, известного богача. Но это было два месяца назад. Теперь-то девушка узнала, что это за мисс: вечно недовольная, лицо как у мымыры. Стоит звякнуть ложкой или ножом или скрипнуть дверью, зеленеет от злости. А если тебя не видно, не слышно, даже не улыбнется. Не то что похвалить.

— Когда доделаешь здесь, — продолжала мисс Полли, — поднимись наверх, приберись в маленькой комнате на чердаке, приготовь постель. Да не забудь хорошенько подмести пол. Но сначала, конечно, протри все коробки и чемоданы.

— Слушаюсь, мэм. А куда положить вещи из чемоданов?

— Сложи рядом на чердаке... — Мисс Полли задумчиво покачала головой. — Да, вот еще что, Нэнси! Тебе следует знать. Сегодня приезжает моя племянница, мисс Поллианна Уиттиер. Ей одиннадцать лет. Теперь она будет жить здесь. В комнате на чердаке.

Кухарка обрадовалась, сразу вспомнив о своих собственных младших сестренках, с которыми ей пришлось разлучиться.

— Так у нас будет жить маленькая девочка, мисс Харрингтон? — вырвалось у нее. — Вот здорово!

— Гмм. Я бы так не сказала, — сухо заметила мисс Полли. — Но что поделаешь! Такое у меня доброе сердце. Кроме того, это как-никак мой долг.

— Конечно, мэм, — восторженно подхватила Нэнси. — Только подумайте: маленькая хорошенькая девочка будет жить с вами! Так и жить веселее... — Но, взглянув на госпожу, решила не продолжать.

— Тоже мне веселье! — поджала губы мисс Полли. — Одна обуза. Я и без нее не скучала.

— Оно, конечно, так, — кивнула Нэнси. — Все-таки это ваша племянница, дочка вашей родной сестры... — набравшись духу, прибавила она. Ей от души хотелось, чтобы девочку в этом доме встретили как можно приветливее.

— Ну и что, что родной! — фыркнула мисс Полли. — Много ты понимаешь! Если она моя сестра, это не значит, что она наплодит детей, а мне потом за ними ухаживать! С какой такой радости, я тебя спрашиваю?.. — Мисс Полли направилась к двери. — И не забудь хорошенько вымести сор из всех углов! Слышишь, Нэнси! — проворчала она, выходя из кухни.

— Само собой, мэм, — кивнула ей вслед девушка.

Вода в раковине успела остыть, и кувшин пришлось ополаскивать еще раз.

Вернувшись в свою комнату, мисс Полли снова достала это неприятное письмо, которое получила два дня тому назад. На конверте стоял штамп захолустного городишки на востоке страны. Письмо было адресовано лично госпоже Полли Харрингтон, город Белдингвилль, Вермонт, и начиналось так:

Уважаемая госпожа! С прискорбием вынужден сообщить, что преподобный Джон Уиттиер скончался две недели тому назад, оставив после себя сироту-девочку одиннадцати лет. Кроме нескольких книг, у него не было никакой собственности. Как Вам, должно быть, известно, он служил простым пастором в маленьком приходе с мизерным жалованьем.

Смею предположить, покойный являлся мужем Вашей сестры, также умершей. Сам он, ввиду каких-то семейных обстоятельств, не любил об этом распространяться. Тем не менее выражал надежду, что Вы, быть может, по-родственному соизволите взять на себя заботу о сироте-девочке, устройте жить в своих краях.

Именно поэтому я Вам и пишу.

Когда Вы получите это письмо, все будет готово к отправке сироты. Если Вы соизволите ее принять,

пожалуйста, сразу подтвердите это ответным письмом. Времени у нас в обрез, так как супруги, которые отправляются в Ваши края и согласились взять девочку с собой, долго ждать не могут. Они довезут девочку до Бостона, а там посадят на поезд до Белдингвилля. Само собой, они сообщат Вам номер поезда и день прибытия.

Надеюсь на Ваш скорый и благоприятный ответ.

С уважением,

Иеремия О. Уайт.

Мисс Полли нахмурилась, сложила письмо и сунула обратно в конверт. Ответное письмо она отправила еще накануне. О да, она имеет представление о долге и порядочности и, конечно, приютит сироту. Даже если для этого потребуется пожертвовать собственным спокойствием.

Еще некоторое время мисс Полли сидела с письмом в руках и вспоминала сестру Дженни. Как давно это было! Двадцатилетняя девушка огорошила семейство, заявив, что выходит замуж за молодого священника. Родители, естественно, были против. У них на примете имелся куда более подходящий жених для дочери — к тому же и богатый. Но Дженни и слышать ничего не хотела. Не пойдет за старика, хоть и при деньгах, и все тут. Другое дело молодой пастор — энтузиаст, подающий надежды. Золотое сердце, полное любви. Естественно, Дженни выбрала его и отправилась на далекий Юг в качестве верной миссионерской жены.

Потом произошел разрыв. Мисс Полли, младшая в семье, прекрасно помнила, как случился этот разрыв, хотя тогда ей было не больше пятнадцати. Обиженное семейство решило вычеркнуть Дженни, жену нищего миссионера, из памяти. Какое-то время Дженни писала родителям. В частности, о том, что у нее опять родилась девочка, которую она назвала Поллианна. Двойное имя — в память о двух сестричках, умерших в младенчестве, — Полли и Анне. Это было ее последнее письмо. Затем, спустя несколько лет, пришло короткое известие о ее смерти. Об этом написал сам пастор. На этот раз на конверте стоял штамп этого самого захолустного городишки на далеком Западе.

Между тем для самих обитателей богатого дома на горе время как будто остановилось. Вот и сейчас, глядя из окна на простиравшуюся перед ней насколько хватало глаз долину, мисс Полли думала: вот прошло четверть века, а ничего не изменилось. Правда, теперь ей было не пятнадцать, а сорок. Одна-одинешенька на целом свете. Мать, отец, сестры — все давным-давно в могиле. Вот уже много лет она была хозяйкой этого громадного дома и приличного состояния.

Некоторые знакомые пытались ее жалеть. Даже подыскивали кого-нибудь — просто для компании, — чтобы не коротать век в одиночестве. Но мисс Полли не нуждалась ни в жалости, ни в советах. Да и не чувствовала себя одинокой. Так и заявила. Это даже лучше — жить спокойной жизнью, ни от кого не зависеть.

И вот теперь...

Мисс Полли поднялась с места. С поджатыми губами, все еще продолжая хмуриться. Что бы там ни говорили, она не какая-нибудь бессердечная особа, не знающая, что такое чувство долга. Но и не размазня, позволяющая собой помыкать, однако...

И вот теперь... Поллианна!

Надо же было так назвать! До чего нелепое имя!

ГЛАВА II

СТАРИК ТОМ И НЭНСИ

Уж как Нэнси ее скребла и мыла, эту комнатку на чердаке, особенно по углам. Не за страх, а за совесть. Наводила порядок с таким рвением, словно боролась не с пылью и паутиной, а с самой злючей хозяйкой. Даже на душе полегчало.

— Há тебе, паутина! Получай, пыль! — весело приговаривала девушка, орудуя шваброй. — Прочь, моль и плесень! Полетят клочки по закоулочкам!

От одной мысли, что она устроит в этой комнатке уютное гнездышко для славной маленькой девочки, у нее на душе звучала музыка. Подумать только: «одна обуза»! Надо же такое сказать! Ну уж нет!

Закончив уборку, Нэнси окинула критическим взглядом жалкую комнатенку, ободранные стены.

— Ну что ж, — вздохнула она, — хотя бы чисто. Жаль, что малышке, да еще сиротке, придется жить в эдакой норе, да ничего не поделаешь!

Выходя из комнаты, девушка в сердцах так громко хлопнула дверью, что сама испуганно вздрогнула. Потом отчаянно махнула рукой:

— Ну и хорошо! Пусть слышит!

Днем в саду Нэнси сумела улучшить минутку, чтобы перекинуться словечком со стариком Томом. Садовник, согнувшись в три погибели, пропалывал многолетний бурьян.

— Вы слышали, Том, — обратилась к нему девушка, опасно оглядываясь, не подслушивает ли хозяйка, —

к нам приезжает маленькая девочка? Она теперь будет жить с мисс Полли!

— А? Что? — пробормотал глуховатый старик, с трудом распрямляясь.

— Девочка! Она приезжает жить к мисс Полли!

— Быть того не может! — недоверчиво хмыкнул Том. — Скорее эта гора стронется с места!

— Правда, правда! — заверила его Нэнси. — Госпожа мне сама сказала. Это ее племянница. Ей всего одиннадцать лет.

У старика от удивления отвисла челюсть.

— Ну и дела! — пробормотал он. В его пожухлых глазах заблестел теплый огонек. — Неужели это дочурка мисс Дженни?! Дженни — единственная, кому посчастливилось выйти замуж и вырваться отсюда... Вот радость-то, слава Тебе, Господи! Никак не думал дожить до этого!

— А кто такая эта мисс Дженни?

— О! Это был чистый ангел, спустившийся с Небес! — с жаром воскликнул старик. — Хотя старые господин и госпожа думали, что она их старшая дочь. В двадцать лет она вышла замуж и уехала отсюда навсегда. Давно это было... У нее были еще дети, — печально продолжал Том, — но все они поумирали. Кроме одной дочки. Она-то, должно быть, и приезжает...

— Ей одиннадцать лет.

— Ну да. Похоже на то, — кивнул старик.

— И ее поселят в комнатке на чердаке! Вот ужас-то! — воскликнула Нэнси, бросив негодующий взгляд в сторону громадного дома.

Старик неодобрительно тряхнул головой. Потом недоуменно приподнял брови.

— Чудеса! — вырвалось у него. — Я имею в виду, что девочка будет жить здесь, у мисс Полли. Не представляю себе.

— Я тем более, — вздохнула Нэнси.

Старик усмехнулся:

— Кажется, ты не в восторге от нашей госпожи?

— Можно подумать, вы в восторге! — в свою очередь проворчала девушка.

Старик неопределенно покачал головой и вновь взялся за тяпку.

— Похоже, — негромко проговорил он, — ты одна ничего не слышала о том романе, который был у мисс Полли...

— Романе?! У мисс Полли? Разве такое возможно? — изумилась Нэнси.

— Представь себе, да, — кивнул старик. — И предмет ее любви до сих пор живет в нашем городе.

— Неужели? А кто он?

Старик снова оторвался от работы и выпрямился.

— Нет, этого я не могу тебе сказать. — Было видно, что в душе старика еще живет преданность старым хозяевам. — Никак не могу!

— Вот бы никогда не подумала! — недоверчиво сказала Нэнси. — Чтобы у нее был возлюбленный!

Старик снова покачал головой.

— Я-то знаю хозяйку получше тебя, — сказал он. — В молодости она была хорошенькой. Да и сейчас могла бы... если бы хотела...

— Кто? Мисс Полли?!

— Ну да, она. Если бы ей распустить волосы, вплести в них ленты да цветы, одеть в кружева и всякое такое... Она была бы настоящей красавицей!.. Она ведь еще не старуха, Нэнси!

— Вот бы никогда не подумала, глядя на нее, — фыркнув, повторила Нэнси.

— Все началось с той любовной истории, — сказал Том. — С тех пор она сама не своя — сплошь колючки и шипы. Как засохший терновник.

— Вот это больше похоже на правду, — согласилась девушка. — На нее никак не угодишь! Я бы здесь и дня не осталась, если бы так не нуждалась в деньгах. Ну ничего, когда-нибудь вырвусь с этой каторги, ноги моей здесь не будет!

— Может, и так. Это и понятно, — кивнул старик. — Но... не суди ее строго.

Он вздохнул и снова принялся за работу.

— Эй, Нэнси! — раздался резкий голос.

— Иду, мэм! — откликнулась Нэнси и поспешила к дому.

ГЛАВА III

ПРИЕЗД ПОЛЛИАННЫ

Мисс Полли держала в руках телеграмму, в которой сообщалось, что Поллианна приезжает в Белдингвилль на следующий день, то есть двадцать пятого июня, в четыре часа пополудни.

Сдвинув брови, хозяйка оглядела комнату.

Из мебели в комнате были лишь кроватка, два стула с прямыми спинками, рукомойник, крохотный комод без зеркала и столик. На слуховом окошке никаких занавесок. На стене ни одной картины. Целый день солнце припекало крышу, и в комнате было жарко, как в духовке. Рамы были закрыты наглухо, жалюзи отсутствовали. Большая муха тупо билась в стекло, то поднимаясь, то опускаясь, не находя выхода.

Мисс Полли прихлопнула муху и, чуть-чуть приподняв раму, выбросила на улицу. Потом переставила один из стульев и, недовольно покачав головой, вышла из комнаты.

— Эй, Нэнси! — снова крикнула она уже несколько минут спустя, просовывая голову в кухню. — Я обнаружила в комнате у мисс Поллианны громадную муху. Комнату нужно время от времени проветривать. Я уже заказала москитные сетки, но пока их не привезли, окно не открывай. Моя племянница приезжает завтра в четыре часа. Я не поеду на станцию встречать ее. Тимоти приготовит открытую коляску и заедет за тобой. В телеграмме говорится, что у девочки светлые волосы, соломенная шляпка и клетчатое платье. Больше ничего не сказано. Думаю, этого вполне достаточно, чтобы ты ее узнала...

— Слушаюсь, мэм, но разве вы...

— Нет! — резко оборвала ее хозяйка, снова грозно сдвинув брови. — Сказано тебе, я не поеду. В этом нет никакой необходимости.

И отвернулась, давая понять, что не собирается менять свое решение.

Этим и ограничились все приготовления к приезду Поллианны.

На кухне, чтобы дать выход своему возмущению, Нэнси рьяно схватилась за утюг и принялась гладить кухонное полотенце.

«Светлые волосы, соломенная шляпка и клетчатое платье...» Прямо скажем, не много, чтобы отыскать девочку в толпе. Да как у госпожи только язык повернулся! Если к тому же учесть, что маленькой девочке пришлось ехать сюда чуть ли не через полстраны.

На следующий день двадцать минут четвертого пополудни Тимоти и Нэнси погрузились в открытую коляску и отправились встречать гостью.

Тимоти был сыном старика Тома. В городе старика считали правой рукой хозяйки, а Тимоти — ее левой рукой. Симпатичный паренек доброго нрава. Когда Нэнси поступила на службу, они быстро подружились.

По дороге на станцию, вся в мыслях о предстоящей встрече, обычно разговорчивая Нэнси была погружена в себя. А на станции даже вылезла из коляски, чтобы дожидаться поезда на перроне. В голове у нее вертелось одно и то же: «Светлые волосы, соломенная шляпка и клетчатое платье...» Она пыталась представить себе, как выглядит девочка Поллианна, и не могла.

— Очень надеюсь, что девочка тихая и воспитанная, — со вздохом сказала она подошедшему Тимоти. — Не будет бряцать ножами и вилками. Или, упаси боже, хлопать дверью...

— Да уж, — усмехнулся паренек, — иначе нам всем несдобровать! Могу себе представить, что будет с мисс Полли, если Поллианна окажется шумным ребенком... Слышишь? — встрепенулся он. — Паровозный гудок!

— Знаешь, Тимоти, — воскликнула Нэнси, вытягивая шею, — мне кажется, что сам Господь послал нам эту малышку!

Девушка торопливо подошла к маленькому перрону, чтобы лучше видеть выходящих из вагонов пассажиров.

И сразу увидела девочку. Такую маленькую, хрупкую, в платье в красно-белую клетку, с двумя толстыми косами, отброшенными за спину. Под соломенной шляпкой виднелось веснушчатое личико. Девочка беспокойно оглядывалась по сторонам, явно высматривая кого-то.

Нэнси сразу поняла, что это Поллианна, и у нее у самой от волнения задрожали коленки. Она не сразу решилась подойти. Люди вокруг уже начали расходиться, когда она наконец поборола застенчивость и подошла.

— Вы, случайно, не... мисс Поллианна? — начала она.

В ту же секунду девочка бросилась к Нэнси, крепко обнимая ее своими тоненькими ручонками.

— Как я рада! Как я рада! Здравствуйте! — восклицала малышка. — Ну конечно, я Поллианна! Кто же еще! Как я рада, что вы меня встретили! Я так об этом мечтала!

— Мечтала? — удивилась Нэнси. Ведь они даже не были знакомы. — Как это «мечтала»? — пробормотала она, поправляя шляпку.

— Ну конечно! Еще бы! Я всю дорогу пыталась представить, — воскликнула девочка, пританцовывая от радости, — какая вы из себя, как выглядите! Только о вас и думала! Надо же, вы точно такая, как я себе представляла! Как я рада!

Маленькие ладошки ласково гладили оторопевшую Нэнси по плечам, рукам.

Подошел Тимоти. Нэнси смущенно представила его:

— Его зовут Тимоти... У тебя есть чемодан? — спросила она Поллианну.

— Конечно есть, — с важным видом кивнула девочка. — Совершенно новый. Дамский! Как у настоящей леди! Его купили мои благодетельницы. Они такие добрые. Даже не знаю, сколько может стоять такой прекрасный чемо-

дан. Наверное, целое состояние. Они ведь копили на красную ковровую дорожку в церковь, хоть до половины прохода... Пойдите! — спохватилась она. — Тут у меня какая-то квитанция. Мистер Грей сказал, что этот чек нужно отдать вам, прежде чем я смогу забрать мой чемодан. Мистер Грей — муж миссис Грей. Они родня жене пастора Карра. Я ехала с ними. Они такие замечательные!.. А, вот она! — Девочка протянула Нэнси мятую бумажку.

Удивленная этой энергичной речью, Нэнси смущенно посмотрела на Тимоти. Тот понимающе кивнул.

Наконец все трое двинулись с перрона. Поллианна шла между Нэнси и Тимоти и ни на секунду не закрывала рот. Вопросы, восклицания, замечания лились из нее таким бурным, нескончаемым потоком, что изумленная Нэнси отчаялась за ними уследить.

Когда уселись в коляску, устроив рядом чемодан, Поллианна облегченно вздохнула.

— Ну вот, слава Богу! — Коляска тронулась с места. — А нам далеко ехать? — поинтересовалась девочка. — Если далеко, то и ладно. Я обожаю путешествовать! Только, конечно, если не слишком далеко. Просто потому, что хочется побыстрее приехать домой. Ой, смотрите! — продолжала щебетать она. — Какая красивая улица! Я так и знала! Папа рассказывал мне, что здесь очень красиво... — Тут она запнулась и умолкла.

Нэнси заметила, что у малышки горестно задрожал подбородок. Девушка и сама была готова расплакаться. Но уже в следующую секунду девочка справилась с собой и продолжала щебетать:

— Ну да, папа мне рассказывал... Ах да, забыла! Миссис Грей сказала мне, чтобы я обязательно объяснила, почему на мне не траурное черное платье, а это — в красно-белую клетку. Чтобы вы чего не подумали про меня. Просто там у них не было других вещей. А бархатная накидка жены пастора Карра оказалась мне слишком велика. К тому же эта накидка все равно была вся в белых пятнах и немножко рваная. На выделенные деньги благодетельницы сначала

хотели купить мне черное платье. Потом решили купить этот замечательный чемодан. Все равно денег на козровую дорожку не хватало. Миссис Уайт сказала, что не любит детей в черном. То есть детей-то она, конечно, любит. Но просто не любит, когда их одевают в черные платья...

Поллианна умолкла, чтобы немножко перевести дыхание. Воспользовавшись паузой, Нэнси вставила:

— Ну да. Это правильно...

— Еще бы! Конечно правильно! — с жаром подхватила Поллианна. — Как я рада, что вы такого же мнения! Если носить черное, труднее радоваться!

— Как это — труднее? — удивленно переспросила Нэнси.

— Конечно труднее! Когда папочка отправлялся на Небеса к мамочке, чтобы оттуда посмотреть на нас, он сказал, что я должна этому радоваться! Он так сказал!.. Но к сожалению, мне трудно радоваться. Даже в таком веселеньком красно-белом платьице. Я так скучаю по папочке! Так скучаю! Ничего не могу с собой поделаться! Конечно, он сейчас там с мамочкой — у Бога с ангелами... А я совсем одна. Нет, конечно, у меня есть благодетельницы, но... хотя... — Малышка радостно встрепенулась. — Теперь у меня есть вы, моя милая, милая тетушка Полли! Как я рада, что вы у меня есть!

От жалости и смущения у Нэнси чуть сердце не оборвалось.

— погоди, миленькая! — пробормотала она, чуть не плача. — Ты ошиблась. Я совсем не твоя тетя Полли...

— Как не моя?.. — в ужасе пролепетала малышка. — А кто же вы тогда?!

— Я всего лишь Нэнси. Мне и в голову не могло прийти, что ты примешь меня за хозяйку... Я ведь совершенно не... не похожа на нее!

Тимоти подмигнул Нэнси, чтобы та перевела разговор на что-нибудь более веселое. Однако Нэнси была слишком расстроена.

— Кто же вы? — всхлипнула девочка. — Вы не похожи на даму из благотворительного комитета.

Тимоти весело рассмеялся.

— Говорю же, — пробормотала Нэнси, — я просто служанка. Кухарка. Делаю всю работу. Кроме большой гладьки. Ею занимается мисс Дерджин...

— А как же тетушка Полли? Она вообще существует? Жива? — нетерпеливо прервала ее девочка.

— Еще как существует и жива! — усмехнулся Тимоти. — Можешь не сомневаться!

Поллианна облегченно вздохнула.

— Ну слава Богу! — воскликнула она и после небольшой паузы продолжила: — Вы знаете, это даже хорошо, что не она, а вы приехали меня встречать. Как здорово, что я с вами познакомилась! Вы мне так нравитесь! А с ней познакомлюсь немножко попозже. И тогда буду совершенно счастлива, — радостно прибавила она.

Нэнси немного покраснела.

— Юная леди очень добра к тебе, — промолвил Тимоти, подмигнув Нэнси. — Поблагодари ее за доброту, Нэнси!

— Конечно... Но, мисс Полли...

— Мне уже не терпится с ней познакомиться, — заверила ее Поллианна. — Я ее заранее люблю. Она ведь моя тетушка. Единственный родной человек, который у меня остался. Раньше я даже не знала, что она у меня есть. Но потом папа рассказал... рассказал, что она живет в таком большом, красивом доме на горе.

— Так и есть. Скоро сама увидишь, — кивнула Нэнси. — Большой, белый. С зелеными ставнями. Издалека видно. Да вон он!

— Какой красивый! Сколько вокруг зелени, деревьев! Никогда в жизни не видела таких зеленых лужаек. Наверное, она богатая, моя тетушка Полли?

— Так точно, мисс!

— Как я рада! Когда деньги есть, как это хорошо! Никогда не видела таких богатых. Ну разве что Уайты. Они точно не бедные. В каждой комнате по ковру, а по воскресеньям подают мороженое. А у тетушки Полли по воскресеньям подают мороженое?

Нэнси покачала головой, ее губы чуть дрогнули. Она посмотрела на Тимоти.

— Нет, мисс. Ваша тетя не любит мороженого. Так мне кажется. Я, по крайней мере, ни разу не видела, чтоб она его ела.

Девочка заметно огорчилась:

— Неужели? Как жалко... Удивляюсь, как это можно не любить мороженого! Ну что же, может быть, это даже хорошо. А то от этого мороженого еще живот заболит, как у миссис Уайт. Хотя я ела его у нее в гостях. Даже много раз... Ну а ковры у нее есть?

— Ковров хватает.

— В каждой комнате?

— Почти, — смутилась Нэнси, вспомнив про голый пол в комнатке на чердаке.

— Замечательно! — обрадовалась Поллианна. — Я очень люблю, когда ковры. У нас их вообще не было. Только два половичка прислали благотворители. Причем один весь в чернильных пятнах... А еще у миссис Уайт полным-полно картин. Все такие великолепные! На них розы, маленькие девочки, овечки, лев... Прямо как в Библии написано, — продолжала она. — Когда они однажды все вместе соберутся. Мирно-дружно. Я не про картины миссис Уайт... А вы любите картины?

— Даже не знаю... — промолвила Нэнси.

— А я обожаю! Правда, у нас-то и картин не было. Что-то их благодетели вовсе не присылали... А, нет! Однажды парочку передали. Одна была такая ценная, что папа решил ее продать, чтобы купить мне ботиночки. Ну а другая какая-то совсем ветхая от старости. Повесили ее на стену, а она и рухнула. Стекло вдребезги, картина вся разорвалась... Как я плакала, как плакала!.. Впрочем, это даже хорошо, что у нас ничего этого не было. Я не выросла избалованной. Ну что ж, значит, тем больше мне понравится у тетушки Полли. Как однажды, когда вместо обычных резинок для волос тебе вдруг дарят красивые ленты!.. Вы только посмотрите! — воскликнула Поллианна. — Какой замечательный дом!

Коляска вырулила на широкую главную аллею.

Пока Тимоти сгружал чемодан, Нэнси успела шепнуть ему на ухо:

— Эй, Тимоти! Попробуй теперь еще хоть раз заикнуться, что собираешься уволиться отсюда!

— Вообще-то, я не нанимался на всю жизнь, — усмехнулся юноша. — Впрочем, теперь-то, когда здесь этот чудесный ребенок, я даже рад. И не собираюсь никуда уходить. Теперь здесь будет веселее, чем в кино!

— Все бы тебе веселиться! — проворчала Нэнси. — Я серьезно говорю. Ума не приложу, как они уживутся вместе — госпожа и эта милая малышка!.. Я теперь ее не брошу! Надо, чтобы у девочки был хоть кто-то, кто смог бы ее морально поддержать!

Нэнси и Поллианна стали подниматься на широкое крыльцо.